

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.356.4.063

ББК 60.545.1-456

Б 38

DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72

СТРУКТУРА И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАСПОРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ (ОПЫТ CASE-STUDY ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

(Рецензирована)

Андрей Владимирович БЕДРИК

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

avbedrik@sfedu.ru

Валерия Петровна ВОЙТЕНКО

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

vvoytenko@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен диаспорной идентичности как фактора воспроизводства этнокультурного многообразия российского общества в макрорегионе Юга России. Выделяются базовые факторы воспроизводства диаспорных идентичностей, к которым относятся историческая родина, причины миграции, перспективы репатриации, политика идентичности диаспорных организаций. В качестве основного фактора воспроизводства диаспорной идентичности выделяются практики сохранения коллективной памяти, репрезентируемые посредством актуализации образов (или мифов) исторической родины, культуры и исторической судьбы материнского этноса. Феномен диаспорной идентичности анализируется на нескольких уровнях: этническом, региональном, историческом, религиозном, гражданском, языковом, институциональном. Совокупность и иерархия всех компонентов диаспорной идентичности определяет специфический статус этнической группы в поликультурном социуме Юга России, влияет на характер межкультурных коммуникаций в регионе. В рамках исследования приводятся примеры особенности диаспорных идентичностей нескольких этнических групп Юга России (армяне, азербайджанцы, греки, евреи, турки и др.). Делается вывод о том, что диаспорная идентичность как многоуровневый социокультурный феномен детерминирована процессами внутридиаспорной интеграции и дезинтеграции, содержанием миграционных установок и гражданской идентичности членов диаспоры, готовностью их к межкультурному диалогу.

Ключевые слова: диаспора, диаспорная идентичность, Юг России, национальная политика, историческая родина, миграция.

Для цитирования: Бедрик А.В., Войтенко В.П. Структура и факторы формирования диаспорных идентичностей на Юге России (опыт case-study исследования) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 4 (329). С. 64-72. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72.

¹ Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтничного сообщества Юга России».

ORIGINAL RESEARCH PAPER

**STRUCTURE AND FACTORS OF FORMATION
OF DIASPORA IDENTITIES IN THE SOUTH OF RUSSIA
(CASE-STUDY RESEARCH EXPERIENCE)**

Andrey V. BEDRIK

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
avbedrik@sfnu.ru, +79185346330

Valeriya P. VOYTENKO

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vvoytenko@sfnu.ru

The article examines the phenomenon of diaspora identity as a factor in the reproduction of the ethnocultural diversity of Russian society in the macroregion of the South of Russia. The study identifies basic factors in the reproduction of diaspora identities, which include the historical homeland, reasons for migration, prospects for repatriation, and identity politics of diaspora organizations. The phenomenon of diaspora identity is analyzed at several levels: ethnic, regional, historical, religious, civil, linguistic and institutional. The totality and hierarchy of all components of diaspora identity determines the specific status of an ethnic group in the multicultural society of the South of Russia and influences the nature of intercultural communications in the region. The study provides examples of the peculiarities of diaspora identities of several ethnic groups in the South of Russia (Armenians, Azerbaijanis, Greeks, Jews, Turks, etc.) It is concluded that diaspora identity as a multi-level sociocultural phenomenon is determined by the processes of intra-diaspora integration and disintegration, the content of migration attitudes and civil identity of diaspora members, and their readiness for intercultural dialogue.

Keywords: diaspora, diaspora identity, South of Russia, national policy, historical homeland, migration.

For citation: Bedrik A.V., Voytenko V.P. Structure and factors of formation of diaspora identities in the South of Russia (case-study research experience) // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology». 2023. Iss. 4 (329). pp. 64-72. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72.

Введение. Актуальность заявленной темы исследования объясняется несколькими причинами. Объективная сторона актуальности характеризуется дифференциацией диаспорных сообществ южно-российского макрорегиона и России в целом по миграционному критерию, историческому, региональному, религиозному составу групп, их позиционности в отношении своего присутствия в России, что значительной степени воздействует на характер межэтнических отношений, внутригрупповую интеграцию, степень ориентации диаспорах групп на взаимодействие со старожильческим населением регионов своего присутствия, а также на готовность к восприятию доминирующих в российском социуме ценностей и практик выражения и соответствия общегражданской российской идентичности.

Научная сторона актуальности исследования диаспорных идентичностей объясняется тем фактом, что в современной российской социологической науке изучение диаспор осуществляются преимущественно в двух предметных плоскостях. Во-первых, это исследование миграционного фактора воспроизводства диаспор в Российской Федерации, влияния миграции на трансформацию этнокультурной мозаики российского общества и его региональных компонентов. Во-вторых, это исследования конфликтного потенциала жизнедеятельности диаспор в различных социокультурных средах российского общества, степени их интеграции в поле общероссийской идентичности, уровня инкорпорирования с автохтонными сегментами этнической структуры населения.

При этом изучение «многослойности» феномена диаспорных идентичностей осуществлялось российскими исследователями в нескольких дисциплинарных плоскостях: исторические исследования диаспор и их идентификационного портрета (работы Н.Ф. Бугай [1], И.Г. Джуха [2], В.И. Дятлова [3], В.А. Шнирельмана [4] и др.); политическая обусловленность воспроизводства диаспорных групп и реализация ими своих идентификационных стратегий (работы М.А. Аствацатуровой [5], З.А. Жаде [6], Т.В. Полосковой [7], С.Н. Цибенко [8] и др.); социальные практики поддержания актуальности диаспорной формы идентификации (публикации А.В. Дмитриева [9], Ж.Т. Тощенко [10], В.И. Мукомеля [11], С.В. Рыжовой [12], Ю.Г. Волкова [13], В.Д. Попкова [14], Г.С. Денисовой, Л.В. Клименко [15], С.А. Ляшевой [16], В.Н. Петрова [17] и др.).

В то же время изучение сложноструктурированного феномена диаспорой идентичности в ключе социологической науки представляется перспективным в силу необходимости решения практических задач по обеспечению возможности управления социокультурным многообразием российского социума, выявления наиболее эффективных инструментов гармонизации межэтнических отношений внутри него, а так же в ключе поиска соответствующих агентов социализации и агентов публичного влияния, работа с которыми обеспечивала бы решение приоритетной задачи укрепления общегражданской идентичности российского населения при сохранении его этнокультурной мозаики [18; 93]. Данная практическая сторона актуальности исследования диаспорных идентичностей в современных условиях Юга России существенно возрастает на фоне интеграции в российское общество населения «новых территорий» (ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область), в которых этническая структура населения традиционно характеризуется существенным диаспорным присутствием.

Цель исследования заключается в создании методологического алгоритма анализа диаспорных идентичностей с точки зрения описания их универсальной модели, элементы которой позволяют делать процесс социокультурного воспроизводства диаспоры в значительной степени управляемым, а саму диаспорную идентичность в большей степени конструируемой в соответствии с задачами социально-политического и социокультурного развития конкретных территорий. Таким образом, исследуемая проблема формируется на стыке двух социологических направлений: социологии культуры, изучающий состояние идентичность определенных социальных групп (в данном случае — это диаспорные группы), и социологии управления, ориентированной на создание практических механизмов взаимодействия власти и социальных групп внутри поликультурного социума Юга России.

Методы исследования. В качестве методологии исследования применяется методологическая модель многоуровневой идентичности этнических групп, разработанная коллективом Института социологии РАН (ФНИСЦ РАН) под руководством Л.М. Дробижевой [19]. В основе модель многоуровневой идентичности лежит постулат о том, что в современном мире человек одновременно является носителем нескольких идентичностей, которые иерархизированы в сознании человека и в зависимости от контекста ситуации обуславливают паттерны поведения. Социологическое измерение идентичности позволяет выявить актуализированную идентичность (этническую, религиозную, гражданскую, профессиональную, территориальную и/или политическую), выйти на ее динамическую характеристику (включение в виртуальные, социальные и политические контексты), типологию идентичностей (негативная, позитивная и т.д.), оценить перспективы укрепления идентичности, измерить этническую солидарность, выявить механизмы формирования идентичности.

При этом исследование опирается на методiku case-study, так как изучение диаспор в каждом региональном пространстве имеет свою пространственно-временную обусловленность и, как следствие, собственную иерархию идентичностей, их структурно функциональный портрет, уровень влияния на состояние межэтнической коммуникации в том или ином локальном и/или региональном социуме.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических опросов представители этнических диаспор Юга России, проведенные в 2023 году в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России». В ходе исследования стандартизированного анкетного опроса проведено исследование среди 8 этнических групп в 5 субъектах Российской Федерации. Опрос проводился с применением методов он лайн анкетирование на основе платформы Анкетолог.ру (<https://anketolog.ru/>). В опросе приняли участие 14 211 респондентов. Этническая структура опрошенных: 6 657 респондента из числа армян, 2 644 респондентов из числа азербайджанцев, 1 710 респондентов из числа турок, 585 респондент из числа грузин, 206 респондентов из числа поляков, 951 респондентов из числа греков, 462 респондента из числа немцев и 285 респондента из числа евреев.

Результаты и обсуждение. Опыт эмпирических исследований свидетельствуют о существенных различиях в состоянии диаспорной идентичности армянского этнического меньшинства в Ростовской области, Краснодарском крае или в Республике Крым [20]. Аналогичные примеры зафиксированы в состоянии идентичностей азербайджанской диаспоры и турецкой диаспоры на Юге России [21], но в то же время подобная дифференциация практически нивелирована в идентификационном портрете классических диаспор Юга России: греческой, польской [22; 42 — 43] и корейских диаспорах.

Если исходить из понимания диаспорной идентичности как разновидности социальной идентичности индивида и/или группы, то объектом соотнесения себя в данном случае выступает территориально изолированное этническое меньшинство, удаленное от очагов своей национальной культуры, этнического государства или исторической родины и интегрированное на основе своей этнокультурной специфики, а также в результате воздействие со стороны институциональных форм жизнеобеспечения диаспорного меньшинства [23; 47]. Формирование диаспорной идентичности определяется несколькими факторами, ключевым из которых являются фактор дифференциации территории современного расселения и территории исторического исхода, исторической родины, этнического ядра. Диаспора рассматривает себя в качестве «периферийной части» определенного «этнического центра». При этом степень соответствия характеристик диаспоры этническим характеристикам ее «центра» (ядра) в сознании носителей диаспорной идентичности может быть неоднозначным и подразделяться на субдиаспорные когорты.

Другим важным фактором воспроизводства диаспорной идентичности выступают практики сохранения коллективной памяти, поддержания образов (или мифов) своей исторической родины, культуры материнского этноса, его исторической судьбе, достижениях, трагедиях, героях и т.д. [24; 18 — 19]. Следует подчеркнуть, что солидаризация диаспоры на основе общности ее коллективной памяти и образов исторической родины является не только ключевой практикой деятельности диаспорных национально-культурных объединений, но и осуществляется вне зависимости от современного состояния языковой культуры (степени владения родным языком) и традиционной культуры (следование этническим традициям и обычаям, традиционным формам социальной организации, практикам семейно-бытовой коммуникаций и т.д.) представителей диаспорной общности.

Ещё одним фактором воспроизводства диаспорой идентичности является эмоциональная ориентация членов диаспорной группы на возможность репатриации при определенных условиях в регион своего этнического ядра, в свое национальное государство. С целью сохранения и воспроизводства подобного эмоционального потенциала зачастую осуществляются деятельность диаспорных институтов (организаций, объединений, фондов), которые обеспечивают сохранение связей между диаспорой (этнической колонией, этнической периферией) и исторической родиной (этническим ядром, этнической метрополией). Поддержание соответствующих связей и образов — ключевой фактор жизнеобеспечения диаспоры, недопущения ее ассимиляции и укрепления чувства групповой солидарности членов этнокультурного меньшинства.

И наконец, миграция — удаление части народа от своего национального государства или этнического ядра — в значительной степени выступает ядерной компонентой диаспорной идентичности, фактором, объясняющим ее появление. При этом в зависимости от причин формирования миграционных потоков, долговременности диаспорного присутствия на той или иной территории, географии самой диаспорной миграции, уровень отождествления себя с этническим ядром или исторической родиной в значительной степени дифференцирован по состоянию своей актуальности. Стрессовые причины миграции зачастую идеализируют страну предков как идеальный дом и этнический магнит, воздействие которых не в состоянии преодолеть новые поколения диаспоры. Обширность географической траектории миграции диаспоры в регион современной локализации существенно снижает уровень эмоциональной привязанности членов диаспоры к образу изначальной исторической родины или в значительной степени фантомизируют данную привязанность. В этом случае историческая родина — это уже не регион этнического ядра, а территория, на которой были расселены предки членов диаспоры накануне переселения в пространство современного проживания. Так для значительной степени армянской диаспоры Юга России исторической родиной рассматриваются территории Крыма, Грузии или Азербайджана, а не самой Республики Армении или территориально-идеологический концепт исторической Армении [25; 11 — 12]. Аналогичный образ исторической родины в представлениях турецкой диаспоры Юга России имеет поколенческую сегментацию и, если для представителей старшего поколения (60-70 лет) исторической родиной рассматривается Грузия, то для более молодого поколения (50-ти летних) в качестве таковой выступает уже Центральная Азия, а для молодежи в возрасте до 30 лет — Турецкая Республика.

Структура диаспорной идентичности включает несколько компонентов, каждый из которых имеет ту или иную степень актуальности в случае той или иной диаспорной общности, а также на уровне субдиаспорных образований. Первый и базовый среди всех компонентов структуры диаспорной идентичности является этнический компонент. Зачастую члены сообщества отождествляют свою этничность и свой статус диаспоры. Однако, несмотря на очевидность подобного отождествления, при анализе конкретных диаспорных сообществ Юга России были выявлены определенные расхождения между фактами этнической и диаспорной идентификации членами диаспорной группы. Так в среде армянской диаспоры Ростовской области был выявлен компонент, этническая принадлежность которого не тождественна армянской этнической группе, но в основной своей совокупности представители этого компонента отождествляют себя на уровне региона с армянской диаспорой. Этот компонент составляют донские езиды (и частично курды), переселившиеся на Юг России с территории Армении в постсоветский период. Фактически в их идентификационном портрете диаспорная идентичность соответствует иден-

точности землячества. Другим подобным примером был выявлен пример удинского этнического меньшинства, которое, несмотря на языковое и религиозное отличие от азербайджанской этнической группы (удины говорят на одном из кавказских автохтонных языков, а азербайджанцы тюркоязычны; удины — преимущественно христиане, а азербайджанцы традиционно исповедуют ислам), на региональном уровне идентифицирует себя с азербайджанской диаспорой. Как и в предыдущем примере этот факт обусловлен чувством земляческой солидарности — исходом донских удин с территории современного Азербайджана [26; 12].

Другим выявленным компонентом диаспорной идентичности является региональный компонент. При этом под регионом, как объектом идентификации группы, понимается территория миграционного исхода членов диаспоры или их предков. Так в структуре армянской диаспорной идентичности по данному критерию выделяются такие субдиаспорные образования, как «крымские», «ереванские», «сухумские», «ахалцихские», «карабахские», «бакинские», «среднеазиатские» армяне. В среде греческой диаспоры региональная компонента диаспорной идентичности дифференцирована на причерноморских, приазовских, крымских греков, греков-туркофонов (цалкинские греки) и т.д. Региональная компонента усугубляется исторической компонентой диаспорной идентичности, что обусловлено поколенческой дифференциацией диаспорных групп региона, выделения внутри них исторической части (на пример, донские и/или нахичеванские армяне), новой части (советская часть диаспоры) и новейшей части (постсоветские мигранты). Трехслойность диаспорной идентичности по историческому критерию особенно заметна на примере армянской, азербайджанской, грузинской диаспоры, а также диаспор народов Центральной Азии (узбеки, таджики, туркмены, киргизы).

Ещё одним важным компонентом диаспорной идентичности является языковой компонент, так как владение национальным языком или его диалектом во многом определяет чувство солидарности внутри диаспорных сообществ. Так на примере армянской диаспоры очевидным является наличие языковой сегментации между западным и восточным диалектами армянского языка. Историческая часть диаспоры, преимущественно говорящая на западно-армянском диалекте и его модификациях (например, нахичеванский диалект), в значительной степени дистанцируется от миграционной части диаспоры постсоветского периода, преимущественно владеющей восточно-армянским диалектом. Однако воспроизводство диалектических особенностей субдиаспорных групп в настоящий момент нивелируется изучением классических (литературных) языков в практике просветительской деятельности диаспорных институтов на Юге России.

Религиозный компонент также усиливает уровень актуальности диаспорной идентичности. Особенно это касается тех диаспорных групп, у которых исторически оформились национальные религиозные течения или религиозные организации. Такими примерами выступают Армянская апостольская церковь или Ассирийская церковь Востока по отношению соответственно к армянской и к ассирийской диаспорам. Но и в тех случаях, когда диаспора принадлежит к религиозному большинству региона своего расселения, ее национальные особенности могут проецироваться на религиозные практики и усиливать состояние диаспорной идентичности. Подобными примерами выступают греческая и грузинская диаспоры Юга России, традиционно исповедующие православное христианство, но имеющие свои «национальные приходы», организационно принадлежащие Русской православной церкви. В данных приходах сохраняются этнически обусловленные религиозные практики, осуществляются богослужения и песнопения на национальных языках. Субдиаспорные же группы могут возникать по факту конфессиональных разли-

чий внутрдиаспорного уровня (например, армяне-католики или амшенские армяне, хемшилы, армяне-мусульмане). И наконец, диаспоры могут отождествляться с этноконфессиональными меньшинствами, когда религиозная компонента являются центральным для всей структуры диаспорой идентичности (например, иудаизм в еврейской диаспоре, католицизм в польской диаспоре, лютеранство в немецкой диаспоре, езидим в идентичности диаспоры езидов).

Институциональный компонент диаспора идентичности связан с ориентацией членов диаспоры на тот или иной институт, представляющий диаспорою культуру в местном или региональном сообществе. Данный институт может иметь статус общественной организации, национально-культурной автономии, культурно-языкового центра, быть интегрированным в федеральные и международные институциональные сети, различаться по формам деятельности, статусу лидера, степени связи с национальными государствами и их дипломатическими представительствами и т.д. [27; 210]. Фактически все диаспорные сообщества Юга России имеют институциональные альтернативы для своей интеграции и проецирует свою институциональную принадлежность на состояние диаспорой идентичности.

И наконец, еще одним компонентом диаспорной идентичности выступает ее гражданский компонент, имеющий в современных условиях и геополитическое преломление. Он проявляется в не только в наличии российского гражданства у представителей диаспоры, но и в положении гражданского статуса в иерархии идентичностей представителей диаспоры, их ориентации на изменение своего гражданства, приобретение двойного гражданства, миграционные установки членов диаспорной группы и т.д. В условиях современного геополитического противостояния гражданский компонент диаспорной идентичности приобретает политическую ангажированность и продуцирует новые формы диаспорной идентификации, маркерами которой могут служить диаспорные этнонимы «русских поляков», «русских грузин», «русских евреев» и т.п.

Заключение. Таким образом, диаспорная идентичность представляет собой многоуровневый социокультурный феномен, формируемый под влиянием комплекса исторических, социально-психологических, социокультурных, социально-политических факторов и включающий различные по своей природе компоненты (этнический, региональный, исторический, гражданский, религиозный, языковой, геополитический и др.), актуальность которых определяет процессы внутрдиаспорной интеграции и дезинтеграции, состояние миграционных установок и гражданской идентичности членов диаспоры, ориентацию на участие в решении проблем территориальных социумов, в которых локализованы диаспоры, открытость к межкультурному диалогу. Предложенная методологическая модель может служить универсальным конструктом при изучении диаспорных сообществ в других регионах, а состояние и степень актуальности каждого компонента диаспорной идентичности определяет комплекс управленческих инструментов и методик работы, обеспечивающих достижение в диаспорной среде целей государственной национальной политики России по сохранению этнокультурного многообразия и укреплению общегражданской (русской) идентичности населения.

Примечания:

1. Бугай Н.Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие. — М.: Институт российской истории РАН, 2015; Бугай Н.Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917-2010-е годы). СПб.: Алетей, 2012. 480 с.

2. Джуха И.Г. Одиссея мариупольских греков: Очерки истории. — Вологда: Изд-во ВГПИ, «ЛиС», 1993. 160 с.

3. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. 190 с.
4. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 552 с.
5. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). — Ростов-на-Дону-Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. 628 с.; Аствацатурова М.А. Этнополитика как искусство возможного: теоретические идеи и практические проекции. М.: Academia, 2020. 342 с.
6. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. Майкоп: ООО «Качество», 2007. 335 с.
7. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.
8. Цибенко С.Н. Медийные технологии национальной мобилизации черкесов // Вестник Института социологии. 2018. Т.9. №3 (26). С.42-62.
9. Диаспоры и землячества в современной России: факторы воспроизводства традиционных ценностей в инокультурных средах / Под ред. А.В. Дмитриева. М.: ЛЕНАНД, 2017. 120 с.
10. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. — 432 с.
11. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: Монография / Отв.ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.
12. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
13. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006. 256 с.; Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости: монография / Отв. редактор Ю.Г. Волков. М.: Изд-во «КноРус», 2022. 250 с.
14. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.
15. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М.: Альфа-М, 2010. 176 с.
16. Этносоциальные процессы: региональное измерение / коллектив авторов. Майкоп: ООО «Качество», 2015. 162 с.
17. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. 2009. №10. С.48-56.
18. Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика: Монография / Под науч.ред. проф. Н.А. Фроловой. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 400 с.
19. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв.ред. Л.М. Дробижева. — М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.; Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2 (77-78). С. 39 — 52.
20. Суций С.Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов-н/Д: Изд-во Копи-центр, 2015. 287 с.
21. Петров В.Н. Иноэтничные мигранты и принимающее общество. Особенности проблемного взаимодействия (на примере турок-месхетинцев) // Социологические исследования. 2005. №9. С.73-75.
22. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар: КубГУ, 2008. 176 с.
23. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляужева, А.Ю. Шадже. Майкоп: ООО «Качество», 2006. 245 с.
24. Формирование культуры в диаспоре: коллективная монография / Отв.ред. Л.С. Гусян, И.Р. Тантлевский, В.В. Федченко. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. 346 с.
25. Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности: Монография / Отв.ред. А.В. Бедрик. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. 224 с.
26. Дабаков В., Динчари Ф. Традиции и обычаи удинского народа. Ростов-на-Дону: «НОК»; «Печатный двор», 2023. 120 с.
27. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.

References:

1. Bugay N.F. Koreans of the South of Russia: interethnic harmony, dialogue, trust. М.: Institute of the Russian History of the RAS, 2015; Bugay N.F. The Kurdish world of Russia: political and legal practice, integration, ethnocultural revival (1917-2010). SPb.: Aletheya, 2012. 480 pp.
2. Dzhukha I.G. The Odyssey of the Mariupol Greeks: Historical Essays. Vologda: VGPI Publishing house, LiS, 1993. 160 pp.

3. *Dyatlov V.I.* Modern trade minorities: a factor of stability or conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk). M.: Natalis, 2000. 190 pp.
4. *Shnirelman V.A.* Threshold of tolerance: Ideology and practice of the new racism. Vol. 1. M.: New Literary Review, 2011. 552 pp.
5. *Astvatsaturova M.A.* Diasporas in the Russian Federation: formation and management (North Caucasus region). Rostov-on-Don — Pyatigorsk: SKAGS Publishing house, 2002. 628 pp.; *Astvatsaturova M.A.* Ethnopolitics as the art of the possible: theoretical ideas and practical projections. M.: Academia, 2020. 342 pp.
6. *Zhade Z.A.* Vectors of geopolitical identity. Maykop: Kachestvo, 2007. 335 pp.
7. *Poloskova T.V.* Modern diasporas. Internal political and international aspects. M.: Nauchnaya kniga, 2002. 284 pp.
8. *Tsibenko S.N.* Media technologies of the national mobilization of Circassians // Bulletin of the Institute of Sociology. 2018. Vol. 9. No. 3 (26). P. 42-62.
9. Diasporas and communities in modern Russia: factors in the reproduction of traditional values in foreign cultural environments / ed. by A.V. Dmitriev. M.: LENAND, 2017. 120 pp.
10. *Toshchenko Zh.T.* Ethnocracy: History and modernity. Sociological essays. M.: ROSSPEN, 2003. 432 pp.
11. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators: a monograph / ed. by V.I. Mukomel, K.S. Grigoryeva. M.: FNISTS RAN, 2022. 400 pp.
12. *Ryzhova S.V.* Ethnic identity in the context of tolerance. M.: Alfa-M, 2011. 280 pp.
13. *Volkov Yu.G.* Humanistic ideology and the formation of Russian identity. M.: Social and humanitarian knowledge, 2006. 256 pp.; Harmonization of interethnic relations of the population of the regions of the South of Russia in the mirror of social justice: a monograph / executive ed. by Yu.G. Volkov. M.: KnoRus Publishing house, 2022. 250 pp.
14. *Popkov V.D.* The phenomenon of ethnic diasporas. M.: IS RAN, 2003. 340 pp.
15. *Denisova G.S., Dmitriev A.V., Klimenko L.V.* South Russian identity: factors and resources. M.: Alfa-M, 2010. 176 pp.
16. Ethnosocial processes: regional dimension / team of authors. Maykop: Kachestvo, 2015. 162 pp.
17. *Petrov V.N.* Ethnic migrations in modern Russia: determinants and typology // Sociological studies. 2009. No. 10. P. 48-56.
18. *Surguladze V.Sh.* Identity politics in the realities of national security: strategy, theory, practice: a monograph / scient. ed. by Prof. N.A. Frolova. M.: S.T.K. Analytical Group, 2019. 400 pp.
19. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / the project director and executive editor is L.M. Drobizheva. M.: ROSSPEN, 2013. 485 pp.; *Drobizheva L.M., Ryzhova S.V.* All-Russian identity in the sociological dimension // Bulletin of the Russian Nation. 2021. No. 1-2 (77-78). P. 39 — 52.
20. *Sushchy S.Ya.* Armenians of the South of Russia and Crimea (geodemographic sketch). Rostov-on-Don: Copy Center Publishing house, 2015. 287 pp.
21. *Petrov V.N.* Ethnic migrants and receiving society. Features of problematic interaction (based on the Meskhetian Turks) // Sociological Research. 2005. No. 9. P.73-75.
22. *Selitsky A.I.* Poles in the Kuban: historical essays. Krasnodar: KubGU, 2008. 176 pp.
23. Multilevel identity / Z.A. Zhade, E.S. Kukva, S.A. Lyausheva, A.Yu. Shadzhe. Maykop: Kachestvo, 2006. 245 pp.
24. Formation of culture in the diaspora: a collective monograph / executive ed. by L.S. Gushchyan, I.R. Tantlevsky, V.V. Fedchenko. SPb.: RKhGA Publishing house, 2019. 346 pp.
25. Armenian community on the Don: integration and preservation of ethnocultural identity: a monograph / ed. by A.V. Bedrik. Rostov-on-Don; Taganrog: YuFU Publishing House, 2022. 224 pp.
26. *Dabakov V., Dinchari F.* Traditions and customs of the Udi people. Rostov-on-Don: NOK; Printing Yard, 2023. 120 pp.
27. *Poloskova T.V.* Modern diasporas. Internal political and international aspects. M.: Nauchnaya kniga, 2002. 284 pp.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The paper was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 03.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.

The authors declare no conflicts of interests.

© А.В. Бедрик, В.П. Войтнеко, 2023